

© 1990 г.

ЛЕРНЕР К. Б.

**К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
ЭВОЛЮЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА)**

Восходящее еще к античной философской мысли представление о социальной природе языка в конце XIX — нач. XX вв. (в значительной мере в результате сближения и взаимодействия с недавно возникшей социологией) формируется в особое лингвистическое направление, известное как французская социологическая школа.

Так, А. Мейе, сочетая традиции французского историзма и просветительства с методологическими установками позитивистской социологической теории (Ж. Тард, Э. Дюркгейм), выдвигает программу изучения социальной сущности языка, описания механизма влияния социума на язык и предполагает установление общих, возникающих вне системы языка закономерностей, регулирующих его функционирование и эволюцию. При этом как в предлагаемой иерархии условий изменения языка, так и в самом направлении поиска причин его социо-коммуникативной стратификации и изменения явно ощущается примат социального. Даже самые общие структурные закономерности — фонетические, морфологические..., — «выходящие за рамки одного языка и в равной мере касающиеся всех языков» [1, с. 11], составляющие, по словам А. Мейе, «лингвистическую реальность» языка, не способны служить причиной его изменения. Закономерности этого порядка определяют конкретный характер протекания процессов языкового изменения, но «недостаточны для объяснения какого-либо факта; они выражают лишь постоянные условия» [1, с. 15—16]. Истинные причины, «переменные условия», которые «делают возможными или вызывают реализацию» системных языковых процессов разного уровня и масштаба, лежат, по утверждению А. Мейе, исключительно в области социального. Поэтому «единственный переменный элемент, к которому следует обращаться при объяснении языкового изменения, — это изменение социальное» [1, с. 17].

А. Мейе постулирует жесткую зависимость языка от социума и требует определить, «какой социальной структуре соответствует та или иная языковая структура... как проявляются изменения социальной структуры в изменении языковой структуры», хотя и отмечает необходимость соответствия социально детерминированных изменений потенциальным структурным тенденциям языка [1, с. 17].

Допуская возможность «непосредственной и прямой» связи языковых изменений с социальными, французский лингвист все же далек от упрощенной интерпретации этой связи, поскольку понимает языковое изменение как «чаще опосредованный и непрямой» результат социального изменения. И тем не менее он предполагает, что «каждая социальная дифференциация может отражаться в дифференциации лингвистической» [2, с. 116]. При этом А. Мейе стремится установить социальные группы, находящие параллель в дифференциации языка, и называет самые разнообразные по

характеру и социальному статусу группы — от древнеиндийских каст до «буржуазии и рабочих современного большого города», обладающие «особыми языками» [2, с. 116—117]. Таким образом, А. Мейе оперирует понятием социальной группы как носителя лексической дифференциации языка и при этом в выделении групп склоняется к тому, что условно может быть названо «социально-экономическим» принципом.

Вместе с тем уже из положений Мейе вытекает одна из важнейших задач современной социально ориентированной лингвистики — задача установления тех ячеек микроструктуры общества, которые оказываются релевантными с точки зрения социально-коммуникативной стратификации языка и эволюции элементов его структуры, тех звеньев, «в которых реально и протекает языковая жизнь человека и которые занимают промежуточное место между национальным языковым единством и языковой индивидуальностью» [3].

Понятие социальной группы как коррелята синхронной стратификации языка, охватывающей не только лексической, но и другие уровни языковой структуры, становится одним из основных в различных направлениях американской социолингвистики второй половины XX в. (4—9). В испытывавшей заметное влияние социологии малых групп американской социолингвистике распространяется предположение о строгой взаимной приуроченности языковых и социальных различий между носителями языка как представителями определенных социальных групп (что нашло наиболее яркое выражение в теории ковариирования Бернштейна). Предполагалось, что так называемые «лингвистические переменные» могут служить четким индикатором социальной принадлежности говорящих. И хотя многие социолингвисты в США (Лабов, Фишман...) в конечном счете не приняли теорию Бернштейна, тем не менее У. Лабов апеллирует к понятию «социально-экономического класса», определяющему однозначно языковое поведение говорящих [7, с. 156], а Фишман говорит о языке «высших и низших сословий».

В современной советской социолингвистике, исходящей из признания особой социальной сущности языка, который «не входит в явления базиса или надстройки и должен быть отнесен к более широкому понятию духовной культуры» [10], справедливо отмечается снижение уровня языковых различий, обуславливаемых постоянным социальным статусом говорящих [11]. На первый план выдвигается понимание «речевой общности», предполагающей группу людей, объединяемых на основе переменных (культурных, демографических, профессиональных, ситуационных) социальных параметров и использующих какую-либо форму речи [12]. Предлагается также понятие «речевого коллектива», «отличающегося от других не инвентарем языковых единиц, а их употреблением в речи» [13] или же предполагающего различия «как по набору активно используемых средств, так и по характеру их употребления в речи» [14].

Понимание речевого коллектива, характеризуемого в том числе и «набором активно используемых средств», — оказывается продуктивным и при описании внутривидовых процессов, протекающих в условиях интенсивного культурно-языкового контакта. В рамках отдельных социальных групп, в наибольшей степени вовлекаемых в процесс культурно-ареального языкового взаимодействия и в силу определенных социально-культурных, профессиональных и прочих признаков составляющих особые речевые коллективы, формируются новые коммуникативные потребности, находящие ту или иную конкретную языковую реализацию. В частности, как показывает анализ с этой точки зрения пятнадцативековой ис-

тории грузинского литературного языка, входившего в разные культурно-языковые ареалы и с той или иной степенью интенсивности контактировавшего с разноструктурными языками, объединяемая общими профессиональными языковыми интересами группа книжников — переводчиков, представителей эллинофильской литературной школы (XI—XII вв.) или ориентированные на русско-европейский культурно-языковой ареал нормализаторы литературного языка в XVIII в. выступают в роли носителя такого лингвистического механизма освоения культурно-языковых потоков, как целенаправленная реинтерпретация тех или иных технических средств воспринимающего языка.

Возникающая таким образом инновация контактного порядка может соответствовать потенциальным возможностям системы, внутренним тенденциям ее развития, как бы «упреждая» их. Формируясь поначалу в рамках той или иной социальной группы, новая коммуникативная потребность и ее языковая реализация по мере актуализации для все более широких групп носителей, охватывая билингов, а затем и всех носителей, постепенно становится фактом общенационального языка. В таком случае социальная группа, в рамках которой возникает подобная инновация, выступает в роли «катализатора» развития системы языка, оказывается той лингво-социальной группой, «в которой перекрещиваются линии развития общества и языка» [15, с. 8].

В иных случаях возникающая в результате контактной реинтерпретации инновация оказывается чуждой системе данного языка или эквивалентной функционирующему в языке средству, в течение определенного времени оставаясь лишь маркером того или иного речевого коллектива, того или иного функционального стиля, и в конечном счете отвергается эволюционирующей системой языка..

Ниже на материале грузинского литературного языка рассмотрены обе названные возможности реинтерпретации.

Функционирующая в современном грузинском языке синтетическая форма степени качества с формантом *и-es* в картвелологии трактуется не однозначно. С одной стороны, предполагается, что «в грузинском языке есть лишь одна форма, обозначающая свойство предмета в большей степени, чем положительная. Это форма элитива — *цргоიЫШ* [16]. С другой стороны, признается, что «для грузинского языка характерно образование степени сравнения качества посредством префикса *и-(hu < хu-)* и суффикса *-es...* Эта форма в одних случаях имеет значение сравнительной, а в других — превосходной степени» [17]. Различия в семантической квалификации данной формы объясняются как преимущественным вниманием исследователей к разным этапам ее исторического развития и разным подсистемам грузинского литературного языка, так и завершившимся лишь в последние десятилетия процессом ее узальной дифференциации.

Возможность морфологического выражения степени сравнения исторически отличала картвельские языки от горских иберийско-кавказских, где с этой целью употребляется только синтаксическая конструкция, включающая опорное слово в локативном падеже + прилагательное (наречие) в форме положительной степени [типа: «(от) меня большой»].

В грузинском языке сравнительная степень также выражается аналитически, однако различные хронологические этапы развития грузинского литературного языка отличаются по составу сравнительной конструкции и, соответственно, дистрибуцией древней формы элитива. В древне- и новогрузинском языке в сравнительную конструкцию входила синтетиче-

ская форма элятива: опорное слово в род. // дат. падеже + прилагательное в форме элятива (*udides cemsa* «больше меня»...). В современном грузинском языке прилагательное входит в состав сравнительной конструкции только в форме положительной степени и сочетается с опорным словом в послесложной форме (*cemze didi*, но не *cemze udidesi*). Таким образом, древняя синтетическая форма элятива перестает употребляться в составе сравнительной конструкции, утрачивает способность выражать недифференцированную большую ступень качества и одновременно приобретает значение превосходной степени. Соответственно, в грузинском литературном языке закрепляется синтаксическая модель выражения сравнительной степени, типологически характерная для горских иберийско-кавказских языков.

Важная с точки зрения прослеживаемого процесса реинтерпретации семантическая особенность древнегрузинской формы элятива заключается в присущей ей исторически способности выражать сравнение, отношение двух объектов без актуализации опорного слова. Морфологическое выражение такого соотношения по качеству, естественно, могло сложиться в условиях полиперсональности, охватывавшей, по мнению специалистов, не только глагольную, но и именную систему грузинского языка. Как подчеркивает А. Г. Шанидзе, к моменту возникновения формы элятива «...не было нужды в употреблении соответствующих имен, ибо значение лица выражалось самими формами элятива. Иначе говоря, древние формы **g-i-did-es-i*, **m-i-did-es-i*, **x-u-did-es-i*... на современный язык следует переводить *senze didi* „больше тебя“, *cemze didi* „больше меня“, *masze didi* „больше него“» [18].

Впоследствии в результате нейтрализации противопоставления имен по лицам сохранилась лишь форма третьего лица элятива: (*x*)-*u-did-es-i*, утратившая, естественно, способность самостоятельно выражать соотношение и перенявшая только часть прежнего семантического объема — значение большей степени качества безотносительно к конкретному объекту, т. е. вне прямого сравнения. Это и была фиксируемая в литературе для всего грузинского языка форма именно нерасчлененной большей степени качества, а не собственно сравнительная степень. Однако теперь уже для восполнения утраченной семантики отношения по качеству возникла необходимость в уточняющей сравнительной конструкции, в состав которой и вошла древняя форма элятива. Таким образом, в рамках пока еще одной ступени сравнения на древнейшем документально засвидетельствованном этапе развития грузинского литературного языка сложилась оппозиция между сравнительной конструкцией, содержащей форму элятива и выражающей сравнительную, относительную большую степень качества, и той же формой элятива, употребляемой вне конструкции и выражающей безотносительную большую степень качества (*udidesi cemsa* «больше меня»: *udidesi* «больше»). Морфологическое различие двух степеней сравнения (при возможности лексического выражения семантики суперлятива) оставалось нерелевантным. Описанная дистрибуция соотносительной и безотносительной формы элятива хорошо прослеживается по древнейшим памятникам грузинской оригинальной и переводной агнографической литературы. Ср. форму элятива в сравнительной конструкции: *da ikmna J3^{oo} uhamovnes yirvelsa mis fⁿisa* [19, с. 169] «И стало вино вкуснее того прежнего вина»; *ucinares sensa sxuata xelmcpeta mtan^{es} me* [19, с. 174] «Раньше тебя другие государи мучали меня».

Уточняющая сравнительная конструкция встречается в древнегрузинском языке редко. Чаще употребляется форма элятива вне конструкции.

В частности, в древнейшем, датированном V в. памятнике грузинской литературы — «Мученичество Шушаники» — анализируемая форма встречается еще только изолированно. При этом контекст свидетельствует, что имеется в виду одна, нерасчлененная ступень сравнения, семантически скорее соответствующая сравнительной степени: *xuces, nu m'ime-gin ese, rametu mun igi matli uvides ars* [19, с 157] «Отче, не почитай это трудностью, ибо там черви больше». Именно так интерпретирует грузинский элятив К. С. Кекелидзе и с целью уточнения, в переводе памятника на русский язык, вводит опорное слово: «... там черви больше этих». Уточнение может быть дано и непосредственно в контексте: *vidre ukvdavta matla secamasa um%obes ars...* [19, с 157] «Чем быть съеденной теми бессмертными червями, лучше...».

Значение первой ступени сравнения может обуславливаться и более обширным контекстом: *romeli uketes iqos, igi rculi seviavarot* [19, с 185] «Которая лучше (из двух.— Л. К.) окажется, ту веру возлюбим».

Большую сложность представляет семантическая интерпретация той же формы вне конструкции при отсутствии указаний контекста: *razams ixilnes mocapeni netarisa grigolisani upicxlesa monazonobisa kanonsa...* [19, с 259] «Как увидели ученики блаженного Григория в более усердном (усерднейшем?) исполнении канонов монашеских...». Следуя семантической модели ЯП и сообразно нормам уже современного грузинского языка, К. С. Кекелидзе в ряде случаев переводит изолированно употребленный древнегрузинский элятив посредством превосходной степени: *da vitarca a'vedit umaylesta adgilita* [19, с. 226] «как взошли на самую выс-окую вершину». Однако семантическая структура древнегрузинской категории степени сравнения не дает оснований для подобной дифференциации. Неслучайно поэтому тот же переводчик ту же словоформу, но в ином контексте интерпретирует как положительную степень: *borcuasa mas zeda uma'les-sa ayasena* [19, с 229] «Возвел на высокой горе».

Нерелевантность различения двух степеней сравнения в древнегрузинской языке, очевидно, вытекает не только из возможности употребления одной и той же грамматической единицы как в составе сравнительной конструкции, так и вне ее, но и наиболее наглядно — из древнегрузинских переводов с греческого. Здесь:

1) сравнительная степень оригинала переводится а) сравнительной конструкцией: *Ti Y*P ΓΒ'COV T* ашшером той Куртахоо *σπριχο?* [20, с. 969] *uprojs ars anu ucmindes uplisa guamisa* [21, с 51] «что больше ИЛИ святее тела Христова»;

б) изолированной формой элятива: *Ti rcpuhov ioxi* [20, с. 945] *romeli ucinares ars* [21, с. 43] «который ранее»;

2) формы сравнительной и превосходной степени в одном предложении переводятся сравнительной конструкцией: *m\ [xovov tva II-T, бвиперо? sxebwv tv -tote fiejaioici cpaIMTjai* [20, с 845] *rata ara unaklules matsa umbobessa mas gamocndes* [21, с 11] «дабы не меньше их, больше него появился»;

3) превосходная степень переводится одиночным элятивом: *(wZic-roc ocт Корю? spKpev* [20, с. 920] *uprojs^a, rametu upalman tkua* [21, с. 20] «больше, ибо владыка рек».

Таким образом, весьма интенсивные культурно-литературные контакты с греко-византийским миром оказались недостаточным фактором для формирования, оппозиции сравнительной и превосходной степеней, хотя бы в рамках переводной литературы и, соответственно, профессиональной группы билингвов-переводчиков.

Принципиально новый этап в интерпретации рассматриваемой оппозиции связан с именем известного общественного деятеля Грузии второй пол. XVIII в. католика Антония I. Предпринятая им первая в новое время попытка реформы «грузинского литературного языка» претерпевшего в эпоху средневековья заметное восточное влияние и нуждавшегося в упорядочении норм и стилей, знаменовала окончательный сдвиг в культурно-политической ориентации Грузии, избравшей курс на сближение с Россией и (через Россию) с европейской культурой. Написанная по образцу грамматик ряда индоевропейских языков, «Грузинская грамматика» Антония I, наряду с другими новшествами, содержала попытку формализации различия двух степеней сравнения. Автор предлагает искусственную синтетическую форму превосходной степени: *u-u-ket-es-i* и т. п., а древний элятив трактует как собственно сравнительную степень, которая «... выражает свойство предмета сравнительно с другим предметом: *u-keit-es-i* „лучше“, *u-borot-es-i* „злее“... Превосходная степень выражает превосходство предмета над другими предметами: *u-u-keit-es-i* „наилучший“, *u-u-borot-es-i* „злейший“...» [22, с. 67–68].

Грамматика Антония I была ориентирована на «высокий стиль», в то время как «средний и, особенно, низкий стили для него существовали лишь теоретически» [23]. Искусственная форма суперлятива также предполагалась как элемент «высокого стиля», который «состоит из избранных и сладких речений и понятен не всем, а только... мужам ученым» [22, с. 183].

Таким образом, круг «ученых мужей», к которому принадлежал и сам реформатор и которому он адресовал свою инновацию, в данном случае выступал не только как социальная группа, способная «санкционировать, принимать или отвергать те или иные варианты языковой техники» [15, с. 7], но и как инициатор нового средства языкового выражения. Однако явно узкий состав этой социальной группы, в наибольшей мере вовлеченной в процесс культурно-ареального языкового взаимодействия и ощутившей потребность в реинтерпретации одной из грамматических категорий родного языка, оказался недостаточным фактором социализации новой, сформировавшейся в рамках одной группы коммуникативной потребности. Искусственная форма превосходной степени на протяжении более ста лет оставалась фактом грамматической традиции, sporadически употреблялась в письменной речи образованной части грузинского общества, но широкого распространения в грузинском языке не получила. Лишь на уровне потенции системы языка оставалась и сама возможность различия двух степеней сравнения.

Во второй половине XIX в. по инициативе лидеров национально-демократического движения, европейски образованных грузинских шестидесятников осуществляется коренная реформа грузинского литературного языка, проводимая под лозунгом демократизации последнего. Реформаторы не приняли искусственной формы элятива, более того, не получила права гражданства и сама оппозиция двух степеней сравнения. Классики новогрузинского языка, по крайней мере, в художественном творчестве, следуя древней норме, употребляют форму элятива и в составе сравнительной конструкции, и вне ее (ср.: *amaze uidesi panatikosoba...* «фанатизм больше этого...» и *danarzeni naciliki kartuli sitqvebisa isivele% droisani arian* «Остальная часть грузинских слов относится к более древнему // древнейшему времени»). При этом грузинским писателям была известна, конечно, искусственная форма Антония I. Субъективно они ощу-

щают потребность и возможность дифференциации двух степеней сравнения, но названную форму, предназначавшуюся Антонием I для ограниченной группы «ученых мужей», в значении суперлатива они употребляют лишь как особое, несущее экспрессию стилистическое средство (*ver gaakmendinebs xmas im ucumindes gršnobas...* «Не заставит умолкнуть то **святейшее** чувство...»).

В дальнейшем, по мере возрастания интенсивности культурно-языковых контактов с Россией, неуклонно расширяется круг авторов, для которых строго различие двух степеней сравнения становится релевантным. Наметившееся еще в древнегрузинском языке противопоставление двух семантических типов сравнения (в рамках единой, большей степени качества) в ряде социо-коммуникативных подсистем литературного языка (в первую очередь, в речи билингов, в языке прессы и переводной литературы) все чаще осмысливается как оппозиция между сравнительной и превосходной степенью. При этом искусственная форма с аффиксом *и-и...-es* все же отвергается, исконная форма элятива приобретает значение превосходной степени и утрачивает способность включаться в сравнительную конструкцию. (Одновременно, как было сказано, трансформируется и сама сравнительная конструкция). Складываются два способа выражения сравнительной степени. С одной стороны, утверждается типичная для горских иберийско-кавказских языков отлагательная конструкция (*udidēs cemsā — ^cemze didi* «больше меня» → «меня большой»). С другой — активизируется модель, возникшая еще в древнегрузинском языке в результате морфологизации (и усечения) одной из форм элятива (*uprojs —> upro* «более»; *uprojs udidēs —> upro didi* «более больше» → * «более большой»). Однако процесс этот еще в первой трети XX в. нельзя считать полностью завершившимся и охватившим весь грузинский язык, что и обусловило различную трактовку традиционной формы элятива в грузинской лингвистической литературе первой половины XX в.

Колебания в семантической интерпретации формы элятива нашли отражение, в частности, в восьмитомном «Толковом словаре грузинского языка» (1950—1964 гг.).

Так, формант *и-и...-es* в специальной статье трактуется как показатель превосходной степени, но толкования 87 словформ с этим аффиксом (очевидно, в зависимости от особенностей иллюстративного материала) распадаются на три группы.

I. Форма элятива понимается как превосходная степень с двумя возможными семантическими нюансами: *ubr^nesi* «мудрейший, мудрее всех» (*ubrinesī darigeba* «Очень мудрое // мудрейшее наставление»); *umoklesi* «самый короткий» (*umokles istoriul vadasi* «В самый короткий // кратчайший исторический срок»). Все словарные единицы этой группы поясняются примерами из языка переводов или прессы XX в., где встречается только одиночная форма элятива вне конструкции.

II. Одной и той же словарной единице приписывается одновременно значение превосходной и сравнительной степени: *umcaresi* 1. Очень горький, горше всех; 2. Горше (*uayresi da umcaresi simcuxare* «Глубочайшая и очень горькая печаль»; *verc enaze umcaresi moišev kve^anaze* «Нет ничего в мире горше // острее языка»).

III. В самой малочисленной группе одиночные формы элятива, не поясняемые иллюстративным материалом, толкуются как формы сравнительной степени (*umetesi* «более много // больше», *ucxadesi* «более ясно // яснее»).

«Грузинско-русский словарь» (К. и А. Датикашвили, Тбилиси, 1967)

в отличие от «Толкового словаря» интерпретирует формант *-...-es* как «показатель сравнительной и превосходной степени», в толкованиях повторяет двойственные дефиниции одноязычного словаря, но в тех случаях, когда соответствующая форма в одноязычном словаре отсутствует, неизменно дает лишь значение превосходной степени (*udablesi* «нижайший», *ugonieresi* «разумнейший»).

Завершение процесса реинтерпретации древней формы элитива и перераспределения средств выражения степеней сравнения зафиксировано в трехтомном «Русско-грузинском словаре» (Тбилиси, 1957—1959). Здесь уже превосходная степень русского языка регулярно переводится посредством одиночной формы (*ближайший — uaxloesi*, *кратчайший — utoklesi*). Сравнительная же степень передается исключительно конструкцией, включающей прилагательное в положительной степени и квантификатор *upgo* «более (*отвертительнее — upro sa%ageli*, *дороже — upg iviri*).

Оппозиция между описательной сравнительной степенью и синтетической превосходной степенью стала фактом всех функциональных стилей современного грузинского литературного языка.

В научной литературе (нами с этой целью проанализировано более 20 специальных монографий по разным отраслям знания) традиционная форма элитива имеет значение только превосходной степени, а сравнительная — выражается конструкцией (*um%lavresi* «могущественнейший», *umsublikesi* «легчайший», но *amazet%lavri II upro m%lavri* «могущественнее, букв. мощнейшего//более могущественный»; *adrindelzet%msubuki II upro msubuki* «легче, букв. легкий прежнего // более легкий»).

В переводах русской превосходной степени также соответствует синтетическая форма степени (*огромнейшее большинство — udidesi umravlesoba*, *богатейшая добыча — umdidresi nadavli*). Сравнительная степень передается только описательно (*более высокая форма — upro mafali porma*).

Та же норма действует в языке прессы, где синтетическая форма степени в сравнительной конструкции не употребляется (*umciresi kamera*, *romelic qvelaze mcirea msopliosi* ... «Наименьшая камера, которая является самой маленькой в мире...»).

Прослеживаемый нами процесс дифференциации нашел отражение и в современной художественной литературе. В частности, в романе Ч. Амирэджиби «Дата Туташхия» форма древнего элитива в сравнительной конструкции выступает в роли своего рода социолингвистического маркера. /В тех пассажах романа, которые по сюжету являются скрытым переводом, т. е. имитируют ведущиеся на русском языке беседы и монологи персонажей, фигурируют только одиночные формы синтетического элитива, употребляемые в значении превосходной степени (*tkveni cilevelesi mizania* ... «Ваша первейшая цель...»; *erterti urtulesi ubani* ... «Один из сложнейших участков...»). Четко различают две степени сравнения в собственно грузинской речи и персонажи, представляющие просвещенную часть грузинского дореволюционного общества (*...uganatllebules pirovnebad ivlebeda* «... считался просвещеннейшей личностью»). Лишь в речи крестьян автор сохраняет старую сравнительную конструкцию с элитивом (*senze uketes da ulamazes ras naxavs adamiani* «Что лучше и краше тебя есть в этом мире»).

В современном грузинском языке названная конструкция, по нашим наблюдениям и записям образцов разговорной речи, целиком оказывается за пределами нормы и чрезвычайно редко встречается в речи монолингвов как внелитературный факт (ср.: *amazet ulamazesi gogo or daiareboda* «Кра-

сивее ее не было» (при норме — *amazē lamazi*); *es cxhe švelze uzvelesla* «Эта крепость древнее древней»).

"Весь процесс реинтерпретации системы ступеней сравнения и преобразования средств ее выражения (минуя отвергнутую языком искусственную форму) можно представить в виде таблицы.

Древнее положение частично сохраняется в супплетивных формах, где за формантом *u-...-es* закрепляется значение сравнительной степени,

	Реконструируемое состояние	Древне- и новогруз. язык		Совр. груз. яз.	
Относительная большая степень	* <i>m-i-did-es-i</i> «больше меня» * <i>g-i-did-es-i</i> «больше тебя» * <i>h-u-did-es-i</i> «больше него»	Безотносительная большая степень	<i>u-did-es-i</i> «больше»	Превосходная степень	<i>u-did-es-i</i> «наибольший» (или): <i>qvelaze didi</i> «больше всех»
		Относительная большая степень	<i>cemze u-did-es-i</i> «больше меня» <i>cenze u-did-es-i</i> «больше тебя» <i>masze u-did-es-i</i> «больше него» (а также): <i>upro udidesi</i> «более больше» и <i>qvelaze udidesi</i>	Сравнительная степень	<i>cemze didi</i> <i>senze didi</i> <i>masze didi</i> (или): <i>upro didi</i> «более большой»

а превосходная степень образуется по иной, действующей в языке дери-вационной модели (*kargi—u-keť-es-i — sa-u-keť-es-o* «хороший — лучше-наилучший»).

О характере и некоторых закономерностях взаимодействия потенциальных возможностей развития системы языка и «социального давления» с большей ясностью позволяет судить краткое сопоставление с иным, но в чем-то сходным процессом, имевшим место в истории грузинского литературного языка. Мы имеем в виду попытку выражения грамматического рода в грузинском.

Древнегрузинские книжники раннего периода (V—X вв.) не ощущали необходимости в передаче категории грамматического рода греческого языка. Необходимая точность достигалась путем подбора эквивалентов в грузинском языке, располагавшем средствами лексического выражения пола одушевленных существительных.

Со второй половины XI в. Гелатская (петриционская) школа, стремившаяся в своей переводческой деятельности к максимальной точности и близости к оригиналу, предпринимает попытку морфологического выражения женского «рода» (фактически — женского пола). Так в переводах появляются формы с суф. -а (*царь-а* «царица», *ebrael-а* «еврейка», *тохисеул-а* «старуха» [24, 25]. Исследователи по-разному трактуют генезис форманта: одни считают его греческим заимствованием [24], другие предполагают его исконно грузинское происхождение [26].

Учитывая присущую Гелатской школе тенденцию к «расширению дистрибуции того или иного аффикса» и «исключению комбинаций гру-

зинских корневых морфем с иноязычными (греческими) аффиксальными морфемами» [27], в данном случае также следует усматривать функциональную реинтерпретацию грузинского грамматического элемента. Маркирующая женский пол функция форманта *-a-* представляет собой попытку морфологизации присущей грузинскому языку тенденции к лексической маркированности существительных женского пола — в грузинском языке «слова феминизируются, а не маскулизируются» [26]. В этой функции мог быть реинтерпретирован входящий в активный морфологический инвентарь грузинского языка суф. *-я-*, наделенный рядом сходных семантических функций. В частности, данный формант имеет уменьшительно-ласкательное значение, в числительных подчеркивает единичность объекта и, наконец, главным образом в прозвищах, выражает наличие какого-либо особого признака или свойства человека [28]. Возможность прослеживаемой реинтерпретации наиболее очевидно вытекает из зафиксированной в месхско-джавахском диалекте функции этого аффикса, где он маркирует именно женский пол — в сочетании с суффиксом происхождения обозначает территориальное происхождение замужних женщин (*сисх-ul-a* «женщина из д. Чунча»). В настоящее время подобное образование вытесняется нейтральной с точки зрения пола моделью *сисх-el-i*. В западнотуркменских диалектах то же окончание *-a-* маркирует девичью фамилию замужних женщин.

Традиция образования форм с окончанием *-a-* в роли показателя жеского «рода» (пола) продержалась в теософско-философской литературе вплоть до XIII в. В XVI—XVII вв. о формах «рода» знали только ученые-книжники, но ни в оригинальных сочинениях, ни в переводах эти формы не употреблялись.

В середине XVIII в. Антоний I в рамках проводимой реформы грузинского литературного языка стремится найти известным ему из древних памятников формам женского «рода» структурное место в системе грузинского языка. Комбинируя релевантные для грузинского языка признаки (семантические) классификации существительных, Антоний конструирует смешанную морфо-семантическую парадигму «рода», которая призвана охватить все существительные грузинского языка и включает четыре «рода» — мужской, женский, средний и общий. При этом специфична для грамматической системы грузинского языка оппозиция по признаку человек / не человек фактически нейтрализуется (в «мужской род» входят, например, и существительные, обозначающие мужчин, и существительные, обозначающие животных мужского пола). И хотя каждый «род» выделяется на основе определенного сочетания таких семантических признаков, как пол, одушевленность/неодушевленность, человек/не человек, морфологически маркированной остается только часть слов, включаемых в «женский род», — как и в древнегрузинском языке, маркируются существительные, обозначающие женщин.

Возникшая таким образом искусственная парадигма рода, отражающая языковые установки Антония I и его последователей, широкого распространения в языке не получила и на протяжении века сохранялась в грузинской грамматической традиции, повторяясь почти во всех грамматиках грузинского языка, написанных на основе грамматики Антония.

В XVIII—XIX вв., в период возраставших культурно-языковых контактов с Россией, возникают новые формы с окончанием *-a-*, употреблявшиеся преимущественно в речи расширяющегося слоя лиц, приобщившихся к русской культуре и науке [24, с. 99]. Теперь уже формант *a* и м ст в у е т с я в составе целых лексических единиц (*monaxin-a*,

imperatric-a), но все еще изредка присоединяется и к исконным лексемам (*^mert-a* «богиня», *Uartvel-a* «грузинка».) Со второй половины XIX в., в эпоху становления новогрузинского литературного языка, резко ограничивается возможность образования от исконных лексических единиц форм «рода», не принятых нормализаторами. Вместе с тем в грузинский литературный язык проникает большое количество заимствований, в том числе интернационализмов, с окончаниями *-a-*, *-ция-*, которые уже не интерпретируются как формы женского рода, а включаются в разряд естественных для грузинского языка имен с основой на *-a-*.

Тем не менее формы с окончанием *-a-* (помимо заимствований) sporadически сохранялись в грузинской речи лиц, владеющих русским языком, вплоть до 20-х годов XX в. и были упразднены специальной орфографической комиссией, «как не соответствующие природе грузинского языка».

Итак, трансформация двухступенчатой системы выражения степеней сравнения в трехступенчатую соответствовала внутренним тенденциям развития самой системы грузинского языка и вместе с тем была стимулирована культурно-социальными факторами. С другой стороны, классификация имен по грамматическому роду, очевидно, оказалась функционально эквивалентной действующей в грузинском языке классификации по иным признакам (одушевленность/неодушевленность и человек/не человек) и к тому же предполагала вытеснение существенной для грамматической системы грузинского языка оппозиции по признаку человек/не человек.

Таким образом, можно постулировать некоторые закономерности культурно-ареального взаимодействия языков.

1. В рамках ограниченной социальной группы может возникать потребность в новых средствах языкового выражения. В частности, носители координативного билингвизма могут быть наделены способностью воспринимать ту или иную категорию родного языка как вариант некоторой инвариантной (или ареально-инвариантной) языковой категории или просто ощущать недостаток в какой-либо категории.

2. Порождаемая таким образом интенция может реализоваться в reinterpretации существующей подсистемы языковой структуры, что ведет или к трансформации функционирующей подсистемы, или приводит к попытке введения в язык новой категории.

3. По мере распространения возникшей в одной из социальных групп контактной инновации (или потребности в подобной инновации) на другие группы носителей язык подвергает новообразования коррекции и изыскивает органические средства выражения. При этом явно искусственные по форме или вовсе чуждые структуре языка единицы отвергаются.

4. Порождаемые в результате взаимодействия культурно-социальных факторов, социальных (по терминологии А. Мейе — «переменных») условий с языковой структурой новообразования закрепляются в языке при соответствии социально обусловленной коммуникативной потребности имманентным тенденциям и потенции структуры языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Meillet A. Etudes de la linguistique generate* // *Meillet A. Linguistique historique et linguistique generate*. II ed. P., 1926.
2. *Meillet A. Linguistique* // *De la methode dans les sciences*. II. P., 1911.
3. Семьдесят лет советского языкознания // ВЯ. 1987. № 5. С. 6.

4. *Брайт У.* Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975.
5. *Gumperz J. J.* Types of linguistic communities// Readings in the sociology of language / Ed. by Fishman J. A. Mouton, 1970.
6. *Hymes D.* The ethnography of speaking//Anthropology and human behaviour. Washington, 1962.
7. *Labov W.* The social stratification of English in New York City. Washington, 1966.
8. *Labov W.* The study of language in its social context // Advances on the sociology of language / Ed. by Fishman I. A. Mouton, 1971.
9. *Лабов У.* О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975.
10. *Федосеев П. Н.* Некоторые вопросы развития советского языкознания // Теоретические проблемы современного языкознания. М., 1964. С. 34.
11. *Крысин Л. П.* К социальным различиям в использовании языковых вариантов // ВЯ. 1973. № 3. С. 40.
12. *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика. М., 1976. С. 48.
13. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. М., 1976. С. 32.
14. *Крысин Л. П.* Социолингвистическое исследование вариативности современного русского литературного языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1981. С. 5.
15. *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
16. *Шанидзе А. Г.* Основы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1973. С. 140 (на груз. яз.).
17. *Чикобава А. С.* Грузинский язык// Языки народов СССР. Т. IV. М., 1967. С. 37.
18. *Шанидзе А. Г.* Показатель лица в склоняемых именах // Тр. Тбилисского гос. ун-та. 1936. Т. I. С. 338 (на груз. яз.).
19. Памятники древнегрузинской агиографической литературы (V—X вв.). Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
20. *Migne J. P.* In Antonii vitam monitum // Patrologiae Graeca. Т. XXVI. 1857.
21. Житие Антония / Изд. Имнашвили В. И. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
22. *Антоний I.* Грамматика // Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР. Н—22—56 (на груз. яз.).
23. *Бабунашвили Е. А.* Антоний I и вопросы грамматики грузинского языка. Тбилиси, 1970. С. 237 (на груз. яз.).
24. *Данелия К. Д.* Попытка выражения грамматического рода в грузинском литературном языке // Изв. АН ГССР. Серия языка и литературы, 1986. № 4. (на груз. яз.).
25. *Сарджвеладзе З. А.* Введение в историю изучения древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
26. *Дондуа К.* Феминизирующий гласный в грузинском // Дондуа К. Избр. соч. Т. IV. Тбилиси, 1967.
27. *Меликишвили Д. Н.* Гелатская литературная школа и становление грузинского философского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1988.
28. *Джорбенадзе Б. А., Кобаидзе М. И., Беридзе М. М.* Словарь морфем и модальных элементов грузинского языка. Тбилиси, 1985. С. 14—15 (на груз. яз.).